

ПАРАМЕТРЫ ОБЩЕСТВА

Г.Е. Боков

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.9.12773

В МИРЕ ЗАБРОШЕННЫХ ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ: НОВЫЕ ФОРМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ НЕКОТОРЫХ МОЛОДЕЖНЫХ НЕФОРМАЛЬНЫХ СУБКУЛЬТУР (ОТ КОНТРАКУЛЬТУРЫ К «ГОРОДСКОЙ РАЗВЕДКЕ»)

© NOTA BENE (ООО «НБ-Медиа») www.nbpublish.com

Аннотация. Предметом исследования, проводимого при поддержке РГНФ (проект № 14-03-00683а), является изучение новой идентичности представителей тех современных молодежных неформальных субкультур, которые осваивают заброшенные городские пространства. Речь идет о феномене молодежной контркультуры 1960-х гг., противопоставленной ее теоретиками «урбанистическому индустриализму», и о представителях новых поколений неформальных сообществ. Изучается роль мегаполисов в формировании субкультур и значение теорий постиндустриального общества для построения социальных утопий. Предметом исследования, таким образом, оказывается трансформация мировоззрения представителей «альтернативной культуры» и значение индустриально-эсхатологической тематики и антиутопий для ее современных выразителей. Особое внимание уделяется таким формам освоения заброшенных городских пространств как «сквоттинг» («squatting»), движение «городской разведки» («urban exploration») и «индустриальные субкультуры» («industrial subcultures»). Сложность и многоплановость изучаемых явлений определяет необходимость использовать различные методы исследования. Речь идет о социально-историческом, описательном и типологическом подходах, а также о применяемых качественных методах социологического исследования, которые должны приводить к магистральной линии глубокого и всестороннего философского обобщения. Работа опирается на изучение основных источников представителей «альтернативной культуры», начиная от ставшими уже хрестоматийными работ Т. Роззак и Ч. Рейча, и вплоть до интернет-ресурсов и других форм самопрезентации представителей современных неформальных групп. В качестве теоретической базы берутся концепции постиндустриального общества Д. Белла и Э. Тоффлера, некоторые работы, выполненные в рамках «городских исследований» («urban studies») и социологии города, западные и отечественные работы по социологии молодежи, изучению контркультуры и современных неформальных субкультур. Кроме того, принимается во внимание деятельностный подход и пересекающаяся с ним концепция теории практик. Также в реализации проекта использовались методы включенного наблюдения и интервьюирование представителей «городской разведки». Предлагаемое исследование носит междисциплинарный характер. В нем обращается внимание на феномен городской заброшенности и делается акцент на формы освоения «убывающих» индустриальных городов современными молодежными неформальными субкультурами. Демонстрируется, что их появление является результатом урбанизации, которая воспринимается ими же крайне негативно. В больших индустриальных городах усматривали зловещий образ «технократии» теоретики молодежной контркультуры. Ее расцвет в конце 1960-е — нач. 70-х гг. совпал с появлением концепций о переходе от индустриального к постиндустриальному общественному устройству и популярностью со-

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-03-00683а «Про заброшенное (молодежные неформальные практики освоения/присвоения заброшенных городских пространств)»).

циальных утопий. В последующие десятилетия, однако, мистико-хилиастические ожидания контркультуры были выхолощены, а присущая ей эсхатология наполнена индустриальной тематикой, определившей новые модели неформальной молодежной идентичности. Для таких сообществ как «городская разведка» («urban exploration») и «индустриальные субкультуры» («industrial subcultures») она связана с освоением, «присвоением» и «перекодированием» городских заброшенных пространств, что коррелируется с антиутопизмом и концепциями «конца» индустриальной цивилизации.

Ключевые слова: город, заброшенное, молодежь, контркультура, субкультура, «городская разведка», урбанизация, индустриализация, идентичность, ценности.

Субкультуры больших городов

В современной отечественной литературе появилось мнение о том, что уникальность сложившейся постсоветской ситуации можно определить с помощью феномена заброшенных городских пространств. Социолог Р.Н. Абрамов пишет: «отступление советского мира носило не только политический, экономический, культурный и символический характер, но было буквальным — опустевшими, брошенными, сдавшимися на милость природы и мародеров становились тысячи зданий и сооружений по всему бывшему СССР»¹. Действительно, распад советского государства привел к закрытию многих промышленных предприятий, помещений социальной и научно-технической инфраструктуры, объектов военного назначения. Вместе с тем, заброшенными территориями сегодня отмечены большие города по всему миру.

Оказавшиеся на периферии истории и буквально «забытые в прошлом» эти места не слишком привлекают горожан, которые исключают их из сферы своего внимания и обыденной жизни. Вместе с тем, заброшенные строения являются объектами пристального внимания молодых людей, занимающихся «городской разведкой» («urban exploration»). Участники этого неформального движения, которое далеко от единообразия, проникают в запретный мир подземных городских тоннелей и крыш, заброшенных заводов и бомбоубежищ. Сегодня освоение такого рода «отчужденных» городских зон определяет становление новых неформальных субкультурных практик и способов подростковой идентичности.

Философы, культурологи и социальные антропологи все еще достаточно редко обращаются

к феномену заброшенных городских пространств. Более того, на сегодняшний день систематизирующих, обобщающих, аналитических трудов в области «городских исследований» («urban studies») не так много, хотя эта тематика крайне популярна в современном мире². В XX в. интерес к ней был обусловлен ростом численности городского населения и появлением современных мегаполисов. Еще в 1961 г. в работе «Смерть и жизнь больших американских городов» американская представительница этого исследовательского направления Дж. Джейкобс (1916-2006) писала: «Большие города — это огромные лаборатории проб и ошибок, успехов и неудач в градостроительстве и городском дизайне»³. Она указывала, в частности, что в таких городах необходимы старые здания. Джейкобс замечала, что имеет в виду не только отреставрированные, но и множество простых, даже находящихся в ветхом состоянии зданий, которые, по ее мнению, должны быть наряду с новыми постройками и в непосредственной близости от них. В этом она усматривала принцип городского разнообразия⁴.

Как воспринимать сегодня заброшенные городские пространства, возникшие после Второй мировой войны и не вызванные военными действиями? Можно предположить, что они явились характерной иллюстрацией теории перехода от индустриального к постиндустриальному типу общественного устройства. Впервые об этом заговорил известный американский социолог Д. Белл (1919-2011). Он писал, что постиндустриальное общество — это «новый принцип социально-технологической организации и новый образ жизни, вытесняющий индустриальную систему, точно так

¹ Абрамов Р. «Забытые в прошлом»: освоение заброшенных пространств и феномен нового городского туризма // Микроурбанизм. Город в деталях: Сб. статей / Под отв. ред. О. Бредникова, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 232.

² Бредникова О., Запорожец О. Микроурбанизм. Ловушка для города // Там же. С. 18.

³ Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. New York: A Division of Random House, 1961. P. 7.

⁴ Ibid. P. 127–128.

же, как она сама вытеснила когда-то аграрную»⁵. По его словам, этот тип общественного устройства «воплощается в утрате промышленностью, организованной на основе стандартизации и массового производства, своей центральной роли»⁶.

Белл уделял большое внимание происходящим в современном мире процессам глобализации, способствующим появлению мегаполисов. На это обращал внимание и американский философ Э. Тоффлер (род. в 1928 г.). По его мнению, переход к новому обществу знаменует коренной разрыв с прошлым, что для человека является психологическим шоком — «шоком будущего». При этом, по его словам, новая эпоха «супериндустриализации» характеризующаяся ускорением ритма жизни, приводит к такому социальному разнообразию, которое выражается в появлении множества субкультур. «Технологически развитые общества, далекие от того, чтобы быть однообразными и монотонными, подобны сотам с весьма колоритными группировками»⁷, — писал Тоффлер. Он утверждал, что современное общество оказывается буквально расколотым и это приводит к значительному увеличению «социальных анклавов, групп и мини-культур», то есть происходит «дестандартизация» не только продуктов и произведений культуры, но и социальных структур. «Действительно, мы живем во время “субкультурного взрыва”, — заключал Тоффлер. — Нельзя недооценивать важности этого»⁸.

В исследовательской литературе проблемам формирования и специфики молодежных движений и неформальных субкультур уделено большое внимание⁹. Они часто рассматрива-

ются в контексте подростковой социализации. «Предполагается, что приобщение к культурным стандартам, вхождение в мир господствующей культуры, адаптация к ней — процесс сложный и противоречивый, насыщенный психологическими и иными трудностями. Это и порождает особые жизненные устремления молодежи, которая из духовного фонда присваивает себе то, что отвечает ее жизненному порыву, ценностным исканиям»¹⁰, — писал авторитетный отечественный специалист по философии культуры П.С. Гуревич. Он также указывал на определенную автономию и закрытость субкультурных образований, имеющих собственный «кодекс правил и моральных норм», но при этом не претендующих на то, «чтобы заместить собою господствующую культуру, вытеснить ее как данность»¹¹.

Рост числа субкультур связан с поиском идентичности среди молодежи, что оказывается особенно сложно в столь стремительно меняющемся современном мире как современный. При этом самым простым и очевидным является идентичность по возрастному, поколенческому принципу. Тинэйджеры под влиянием неформальных кумиров определяют для себя или воспринимают в уже готовом виде от своих предшественников определенные стили жизни и модели поведения, которые часто связаны с неформальными же досуговыми практиками и разнообразными, порой нестандартными, формами самопрезентации.

Создавая собственные неформальные сообщества молодые люди определенным образом противопоставляют себя социальному и культурному «мейнстриму». «Благодаря субкультурам, борьба между движениями и порядком, которому они бросают вызов, протекает не только в политическом, но и во всем культурном пространстве»¹². Так возникает «культурно-ценностный радикализм», который «выступает против ядра культуры — ее системы ценностей, приоритетов, жиз-

⁵ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. М.: Academia, 1999. С. СХ.

⁶ Там же.

⁷ Тоффлер Э. Шок будущего / Пер. с англ. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. С. 310.

⁸ Там же. С. 311.

⁹ Об изучении молодежных движений и неформальных субкультур в мировой исследовательской литературе см.: Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993; Она же. Социология общественных движений — становление нового направления // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: Изд-во ИС РАН, 1998; Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Изд-во ИС РАН, 2000; Соколов М. Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный подход // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ) / Отв. ред. В.В. Костюшев. СПб.: Норма, 1999. С. 9–23.

¹⁰ Гуревич П.С. Субкультура // Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2-х тт. / Под ред. С.Я. Левит. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 237.

¹¹ Там же. С. 236.

¹² Соколов М. Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный подход // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ) / Отв. ред. В.В. Костюшев. СПб.: Норма, 1999. С. 21.

ненных ориентаций»¹³. Один из наиболее ярких примеров — это характеристика сообщества протестующей молодежи США, предложенная в 1969 г. американским философом и социологом Т. Роззаком (1933-2011). Он впервые ввел термин «контркультура», определив его как «культурную совокупность того, что радикально расходится с ценностями и нормами мейнстрима нашего общества»¹⁴. Уже тогда Роззак стал указывать на подспудно идущий процесс кардинальных преобразований мировосприятия и форм поведения и социализации среди молодежи, которые сейчас уже получили широкое распространение¹⁵.

В послевоенный период отечественные философы и социологи также прекрасно осознавали стремительность социальных перемен, ставших предметом внимания Э. Тоффлера. Кроме того, они пристально следили за происходящими на Западе процессами, о которых писал Т. Роззак¹⁶. По словам выдающегося историка философии Н.В. Мотрошиловой «вся эпоха и отдельные периоды 20-90-х гг. XX в. и начавшегося XXI столетия <...> пожалуй, превосходит какие-то другие эпохи по частоте, стремительности, турбулентности глубоких исторических судьбоносных потрясений»¹⁷. Говоря о поколении «шестидесятников» она особенно подчеркивала, что «юноши и девушки нашего поколения оказались не только вовлеченными в процесс урбанизации; весьма заметная часть молодежи смогла демократически устремиться не куда-нибудь, а в обе «столицы», Москву и Ленинград — и напористо завоевать их!»¹⁸.

Современные молодежные неформальные субкультуры — это явление, порожденное урбани-

зацией. Именно в больших городах, мегаполисах формируются многочисленные сообщества, создающие и транслирующие различные специфические профессиональные и досуговые практики. Дж. Джейкобс писала: «Телефонные справочники дают нам единственное сведение о больших городах: они состоят из огромного количества частей, и этим частям присуще громадное разнообразие. Разнообразие — природное качество больших городов»¹⁹. Разнообразие любого города, продолжала она, определяется крупным городом и основано на том, что «в крупном городе собрано воедино великое множество людей с разнообразными вкусами, навыками, потребностями, возможностями, причудами»²⁰. Прав оказался Тоффлер, прогнозировавший в 1970-м году возрастание «разнообразия и численного роста субкультур в обществе». Он писал, что «даже если технология освободит в будущем миллионы людей от необходимости работать, мы обнаружим все то же движение к многообразию среди тех, кто будет иметь возможность развлекаться»²¹. Именно в большом городе для этого оказывается больше всего возможностей.

Во вступительной статье к сборнику «Молодежные субкультуры Москвы» отмечается, что Москва, среди других городов России, представляет наибольшие возможности социализации, досуговых и поведенческих форм. Так, «богатство выбора в мегаполисе стимулирует своеобразное “коллекционирование” молодыми людьми впечатлений от посещения различных сообществ, часто не похожих друг на друга. Юноша или девушка, каждый вечер посещающие все новые тусовки — типаж довольно характерный для мегаполиса»²². Вместе с тем, мегаполис — это пространство «чужих» и высокая степень автономности, где практически отсутствуют родовые и коллективные связи, характерные для традиционного уклада и еще сохраняющиеся в сельской местности. «Человек, живущий в Москве, живет в пространстве совершенно незнакомых ему людей, имеет возможность довольно легко входить в сообщества, никак не связанные с его по-

¹³ Султанова М.А. Контркультура — тип ценностного радикализма (Вудстоку 40 лет — каковы итоги?) // Философия и культура. 2009. № 8. С. 9.

¹⁴ Roszak Th. The Making of a Counter Culture: Reflections on the Technocratic Society and Its Youthful Opposition. New York: Doubleday & Company, Inc., Garden City, 1969. P. XII.

¹⁵ См.: Султанова М.А. Философия культуры Теодора Роззака: (Очерк философской публицистики). М.: ИФ РАН, 2005.

¹⁶ Об отечественных исследованиях контркультуры см.: Султанова М.А. Философия культуры Теодора Роззака: (Очерк философской публицистики). М.: ИФ РАН, 2005. С. 7–8.

¹⁷ Мотрошилова Н.В. Судьба поколения и личность ученого // Замошкин Юрий Александрович (1927–1993) (Сборник воспоминаний). 2-е изд. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 6–23.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. New York: A Division of Random House, 1961. P. 143.

²⁰ Ibid. P. 159.

²¹ Тоффлер Э. Шок будущего / Пер. с англ. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. С. 313–314.

²² Громов Д.В. Субкультуры большого города // Молодежные субкультуры Москвы / Сост. Д.В. Громов, отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 8.

вседневной жизнью, и так же легко эти сообщества покидать»²³. Безусловно, та или иная субкультура также предполагает определенную автономность, замкнутость, но именно мегаполис предоставляет молодому человеку богатый выбор неформальных субкультур самых разнообразных и изысканных ориентаций.

Молодежная контркультура как пролог постиндустриального общества

После того как Т. Роззак опубликовал работу «Создание контркультуры: Размышления о технократическом обществе и его молодежной оппозиции» (1969), он написал еще один труд с не менее броским названием: «Там, где кончается пустыня: Политика и трансцендентность в постиндустриальном обществе» (1972). Весьма показательно, что он появился за год до того, как Д. Белл опубликовал свою книгу «Грядущее постиндустриальное общество» (1973). Белл писал: «в следующие тридцать — пятьдесят лет мы увидим возникновение того, что я называю “постиндустриальным обществом”»²⁴. При этом он отмечал, что имел опыт употребления этого «базового понятия» в научных дискуссиях, начиная с 1959 г.²⁵, а позднее, в 1976 г., замечал, что «термин “постиндустриальное общество” быстро прижился в социологической литературе»²⁶. К этому времени Роззак уже был широко известен не только как социолог, но и как один из ведущих теоретиков контркультуры — активный выразитель «леворадикальных умонастроений американской интеллигенции»²⁷. Он писал, что «Там, где кончается пустыня» — это книга о «религиозном измерении политической жизни» в «апокалиптическую эру», подразумевая под этим эпоху «урбанистического индустриализма». При этом Роззак подчеркивал, что подразумевает религию «в ее вечном смысле». По его словам, это «Старый Гносис. Видение, рождающееся

из трансцендентного знания. Мистицизм, если угодно»²⁸. Более всего такое понимание истины было характерно для хиппи.

Первые реальные признаки формирования этого движения в США стали очевидны в 1964–65 гг., когда после студенческих волнений в Беркли (Калифорния) и в ходе последующих демонстраций политического протеста среди молодежи назревал раскол. Именно тогда, как писал американский исследователь Дж. Стивенс, становилось очевидным, что «энергия, которую развязали события в Беркли, сворачивает куда-то в сторону — не в право и не в лево, “но в... какое-то новое русло, еще не имеющее названия”»²⁹. Множество молодых людей стали массами отворачиваться «не только от войны и военщины», но и от бесчисленных, всплывающих в эти годы политических программ, политических активистов и молодежных политических организаций. Именно они вскоре стали называть себя «хэдами» или «фриками», подчеркивая тем самым «свою веру в то, что они являются новой ступенью эволюции Homo Sapiens»³⁰. Благодаря прессе они стали известны как «хиппи».

Хиппи были представители того многочисленного послевоенного поколения, которое отбросило все нормы и ценности своих родителей, а вместе с тем и всю «технократическую» культуру. «Устами выдвинутых им идеологов молодежное движение по обе стороны Атлантики заявило о себе как о носителе *контркультуры* — оппозиционной культуры, представляющей собой антитезу по отношению к господствующей культуре»³¹. Это звучит как скверная шутка, писал Стивенс, «но именно самое избалованное, самое обеспеченное поколение в истории отшвырнуло всё то, что ему было дано судьбой как кучу негодного хлама»³². Именно дети, тинэйджеры 1960-х годов, «отбросили как безобразную дешевку» все то,

²³ Там же.

²⁴ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. М.: Academia, 1999. С. CLXVI.

²⁵ Там же. С. LXXXV.

²⁶ Там же. С. CXLV.

²⁷ Султанова М.А. Контркультура — тип ценностного радикализма (Вудстоку 40 лет — каковы итоги?) // Философия и культура. 2009. № 8. С. 9.

²⁸ Roszak Th. Where the Wasteland Ends: Politics and Transcendence in Postindustrial Society. New York: Doubleday & Company, Inc., Garden City, 1972. P. XX.

²⁹ Stevens J. Storming Heaven: LSD and the American Dream. New York: Grove Press, 1998. P. 297.

³⁰ Ibid. P. 298.

³¹ Каграманов Ю.М. Культурная революция // Культурология. XX век. Энциклопедия в 2-х тт. / Под ред. С.Я. Левита. Т. 1. СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. С. 353.

³² Stevens J. Storming Heaven: LSD and the American Dream. New York: Grove Press, 1998. P. 291.

что принесло их родителям столько удобств и выгод. «По их мнению, эта культура лишала жизнь всякого смысла»³³.

Один из наблюдателей движения хиппи, достигшего своего пика в конце 1960-х гг., американский социолог Ч. Рейч (род. в 1928 г.), как и Т. Роззак ставший одним из идейных вдохновителей контркультуры, в работе «Зеленеющая Америка» писал, что эта новая американская молодежь открыта экспериментам с сознанием и коммуникацией. По его словам, их одежда, музыка, психоделики, развитие мысли и свободный образ жизни, то есть альтернативная культура, есть некое «единое целое». Здесь все, начиная от новых идеалов и демонстраций кампусов, и вплоть до бус и клешей на фестивале Вудстока, имеет глубокий смысл и представляет собой составную часть единой «согласующейся философии»³⁴. Как и Роззак, указывавший на многообразие таких, подлинно оригинальных, не имевших аналогов в прошлом увлечений и интересов молодежи как восточный мистицизм, эксперименты с сознанием и формами социализации, Рейч утверждал, что эта уже начавшаяся «революция нового поколения» не будет иметь ничего общего ни с одной из известных революций в истории³⁵.

Теоретики контркультуры, как это было в случае Роззака, считали себя провозвестниками той новой эпохи, которая как минимум должна быть «постиндустриальной». Подлинным воплощением «урбанистического индустриализма» для них был военно-промышленный комплекс США, со всей социальной и научно-технической инфраструктурой и американскими корпорациями, «встроенными» в эту систему производства. Корнем всех зол, при этом, была объявлена «технократия», которая, по словам Роззака, не просто «структура власти», а губительное выражение «великого культурного императива» современной индустриальной цивилизации³⁶. Именно поэтому он определял контркультуру как альтернативное объединение взыскательной молодежи и горстки ее взрослых

наставников, сплотившихся против «технократического тоталитаризма»³⁷.

Роззак стоял на позициях антисайентизма и антитехнизма. В этих концепциях «нашло отражение разочарование современного общества в сайентизме — в такой мировоззренческой установке, в соответствии с которой наука и техника считались способными разрешить все проблемы человечества»³⁸. Он писал, что молодежь должна противостоять мнимым идеалам «технократического рая», а именно гипертрофированным Разуму, Реальности, Прогрессу и Знанию, с приспособленным для их утверждения «редуктивным гуманизмом» и верой в безграничность человеческих возможностей, направленных на Покорение Природы³⁹. Именно новое, «освобожденное» или «раскрепощенное» сознание молодежи, может, по его словам, способствовать коренному преобразованию «этой нашей дезориентированной цивилизации во что-то такое, что человек сможет идентифицировать со своим домом»⁴⁰.

Свободные коммуны хиппи, появившиеся в 1960-е гг., стали прообразом новых форм социализации, воспринятых затем и другими молодежными неформальными субкультурами. Даже те из них, которые появились позднее и крайне негативно относились к хиппи (например, панки), были многим им обязаны. Прежде всего, речь идет о присущем всем нонконформистам противопоставлении себя и своего сообщества существующей социальной, и, шире, социо-культурной и даже цивилизационной системе. Эта самая «система» воспринималась контркультурой как механизм контроля и подчинения, частью которого являются как управляемые, так и управляющие. Одной из наиболее красочных иллюстраций такого мира была психиатрическая лечебница, описанная знаменитым писателем и одним из признанных лидеров молодежной контркультуры К. Кизи (1935-2001) в романе «Пролетая над кукушкиным гнездом» (1962).

Согласно представлениям молодежной контркультуры, «система» состояла «из винтиков

³³ Ibid.

³⁴ Reich Ch. The Greening of America. New York: Random House, 1970. P. 4.

³⁵ Ibid.

³⁶ Roszak Th. The Making of a Counter Culture: Reflections on the Technocratic Society and Its Youthful Opposition. New York: Doubleday & Company, Inc., Garden City, 1969. P. XIV.

³⁷ Ibid. P. XI-XII.

³⁸ Султанова М.А. Контркультура — тип ценностного радикализма (Вудстоку 40 лет — каковы итоги?) // Философия и культура. 2009. № 8. С. 13.

³⁹ Roszak Th. The Making of a Counter Culture: Reflections on the Technocratic Society and Its Youthful Opposition. New York: Doubleday & Company, Inc., Garden City, 1969. P. XIV.

⁴⁰ Ibid. P. XIII.

и шестеренок». Для нее, как указывали лидеры движения протеста, любое отклонение от нормы расценивалось как девиантное поведение, что предполагало изоляцию от общества в психиатрических клиниках и «терапию», вплоть до лоботомии. Именно из этого общества, которое политические активисты пытались изменить, хиппи и последующие неформальные сообщества предлагали «выпасть» («drop out»), изменяя как собственное сознание с помощью соответствующих психотропных средств и психотехник, музыки и т.д., так и собственные же формы коммуникации, идентичности и самопрезентации. При этом подобного рода «выпадение» из системы требовало некоей территории, которая в идеале могла бы стать пространством «подлинной свободы». Для этого следовало либо уходить из городов, становясь своего рода открывателями «новых земель», обживая незаселенную или малозаселенную местность, либо «завоевывать» себе место в городах, вопреки всем существующим представлениям о частной собственности. «Открытие» молодежью заброшенных городских пространств, иногда даже целых кварталов-призраков, подобно тем, что существуют в Детройте, сделало возможным совместить оба эти варианта. Сквотеры занимали пустующие помещения, «перекодируя» их по своему усмотрению, а предтечи «городских разведчиков» осознавали себя подлинными «пионерами» брошенных промышленных зон и закрытых для посещения обычных граждан секретных территорий.

«Сквотинг» («squatting») как «захват» пустующих помещений

Сквотеры (от англ. «squat») — люди, занимающими пустующие помещения и образующие сегодня самостоятельную неформальную субкультуру. Важно отличать их от просто бродяг, криминальных элементов и других социальных групп. Социолог Т. Голова писала, что сквотер — это тот, «для кого захват и жизнь на сквоте в известной мере определяет образ жизни и кто осознает себя сквотером»⁴¹. По ее словам, «формирование определенной общности сквотеров» связано, во-первых, «с определенным единством образа жизни, с характерными

практиками», и, во-вторых, «с самоидентификацией, фреймами и в целом с идентичностью. Они образуют специфику сквотеров и таким образом определяют их»⁴². Однако в период расцвета молодежной контркультуры «захват» или «присвоение» пустующих помещений явился результатом такого рода идентичности, которая предполагала противопоставление себя обществу, вместе с его ценностной, нормативно-правовой и законодательной базой. Хиппи были убеждены, что частная собственность — одна из тех многочисленных условий, от которых необходимо освободиться, а политические активисты воспринимали ее как проявление презираемой ими «буржуазности». И те, и другие положили начало сквотингу — коммуны первых со временем становились арт-центрами, во втором случае сквоты были своего рода штабами «антисистемного сопротивления, где царили свои законы, вернее, анархическое неприятие каких бы то ни было законов»⁴³.

Если центром молодых американских политических активистов — участников студенческих беспорядков 1960-е гг., был город Беркли, известный своим старейшим кампусом Калифорнийского университета, то место рождения хиппи — район Хэйт-Эшбери в Сан-Франциско. В свое время он представлял собой «витиевато разукрашенные помпезные дома в викторианском стиле, которые пришли в упадок и сейчас выглядели жалкими и потрепанными»⁴⁴. Эти дома часто пустовали и сдавались внаем покинувшими их хозяевами. Именно они занимались, часто без всякого на то формального разрешения, хлынувшей огромным потоком со всего калифорнийского побережья молодежью. Особенно активно Хэйт-Эшбери осваивался хиппи в период проведения знаменитого «Лета Любви» в 1967 г., ставшего апогеем «психоделической» и «сексуальной» революции. Весь этот район, как и прилегающий к нему парк «Золотые ворота», был полностью «перекодирован» и буквально «присвоен» хиппи, став местом рождения этой молодой альтернативной культуры.

Интересно то, что устанавливающиеся среди жителей сквота новые формы поведения и ком-

⁴² Там же.

⁴³ Десятирик Д. Сквот // Альтернативная культура: Энциклопедия / Сост. Д. Десятирик. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. С. 176.

⁴⁴ Stevens J. Storming Heaven: LSD and the American Dream. New York: Grove Press, 1998. P. 299.

муникации были характерны для богемной среды задолго до начала протестного движения. Места обитания театральных и цирковых актеров, художников, поэтов и музыкантов, часто склонных к бродяжничеству и предпочитающих собираться или селиться вместе со своими единомышленниками, могли быть прототипами сквотов хиппи. На Западе они всегда отличались от обычных жилых построек оригинальными творческими решениями. Самым известным поселением такого рода до сих пор является так называемый Свободный город Христиания — квартал Копенгагена (Дания), воспринимающийся его обитателями как самоуправляемая республика, автономная область или «государство в государстве». На сегодняшний день это около 850 человек, постоянно проживающих на территории общей площадью 34 гектара.

Христиания появилась в 1971 г. как свободная коммуна-сквот богемы и хиппи на месте заброшенных королевских казармам. Они просто пришли туда, снесли забор, отгораживавший эту территорию от жилой части города, и стали устраивать там своеобразные театральные представления — хепенинги, а заодно и жить. На протяжении последующих десятилетий оккупировавшей эту территорию неформальной молодежи приходилось множество раз отстаивать свое «законное право» на пребывание в Христиании. Достаточно быстро, однако, это место было «перекодировано», то есть перестало восприниматься как заброшенное городское пространство за забором, как это было до заселения хиппи. Сегодня Христиания признана датским государством в качестве «социального эксперимента» и известна во всем мире как центр альтернативной культуры. Там приняты особые правила общежития и поведения, благоприятствующие свободному творческому самовыражению каждого ее жителя или гостя. В Христиании находятся арт-галереи, концертные залы, театральные подмостки, репетиционные точки, магазины экологически чистой продукции и специальные места для продажи марихуаны. С самого своего возникновения Христиания стала местом паломничества для неформальной молодежи, «перекодирующей» пространство с помощью красочных рисунков и выставок современного искусства, хепенингов и перформансов, регулярных музыкальных выступлений самых разных жанров и стилей.

За последние 40-50 лет сквоты появились практически в каждой индустриальной стране. Однако, например, в Германии, где в 1980-е гг. сквот-

тинг стал широко популярен, такие места были гораздо более политизированы. При этом сквотеры Берлина «выдвигали идею изменения общественного устройства, причем не только в жилищной сфере, а также альтернативного образа жизни; они были тесно связаны с альтернативным и молодежным движением»⁴⁵. В конце 1980-х — нач. 1990 гг., когда после разрушения Берлинской стены и объединения ФРГ и ГДР появилась масса пустующих зданий, немецкие сквоты «были в первую очередь центрами политической активности»⁴⁶. Поэтому в ходе столкновений с полицией представителей радикального левого, анархистского движения, активно осваивавших городские заброшенные пространства, значительная часть этих сквотов была уничтожена.

Сквоты Ленинграда (Санкт-Петербурга) были принципиально, качественно иными, чем в Германии. Обитатели большинства из них до сих пор не афишируют свое существование, не желая привлекать к себе лишнее внимание властей. Они возникли в конце 1970-х гг. как объединения художников-нонконформистов и места «тусовки». На рубеже 1980-90 гг. происходило «изменение системы собственности», что означало «неопределенность правил, благоприятную для сквотеров»⁴⁷. События перестройки и сопровождающая их коммерциализация и заброшенность государственных предприятий и связанных с ними объектов, а также последующие градостроительные реформы, вплоть до расселения коммунальных квартир, способствовали резкому увеличению сквотов. Этот период определяют как «золотое время сквотов», когда появляются ставшие известными питерские сквоты на Фонтанке, Сыновья доктора Пеля, Свечной, Речники, Пушкинская-10. Наряду с этим были и «невидимые» сквоты, то есть «квартиры малоизвестные, не функционирующие как центры “тусовки”»⁴⁸.

⁴⁵ Голова Т. Сквотеры в Петербурге: практика захвата и образ жизни // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ) / Отв. ред. В.В. Костюшев. СПб.: Норма, 1999. С. 129.

⁴⁶ Десятирик Д. Сквот // Альтернативная культура: Энциклопедия / Сост. Д. Десятирик. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. С. 177.

⁴⁷ Голова Т. Сквотеры в Петербурге: практика захвата и образ жизни // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ) / Отв. ред. В.В. Костюшев. СПб.: Норма, 1999. С. 131–132.

⁴⁸ Там же. С. 132.

Арт-центр «Пушкинская-10» — один из самых известных сквотов России, возникший в 1989 г. в ходе творческого неформального объединения художников и музыкантов, которые отстаивали свое право на создание «альтернативного» культурного центра в Санкт-Петербурге. В результате длительных выяснений отношений с городскими властями и претендующими на опустевший дом коммерческими структурами был создан фонд «Свободная культура». В защиту дома на Пушкинской проводились акции, ему посвящены ежегодные концерты известных питерских рок-музыкантов, в свое время репетировавших, «тусовавшихся» или проживавших на этом сквоте. По словам Т. Головы, «Пушкинская-10 представляет собой модель взаимодействия с властями, отличающуюся от привычной. Здесь люди настаивают на своих правах, выдвигают требования, готовы защищать свой дом»⁴⁹, что как раз и было характерно для европейских сквотеров, в отличие от их советских собратьев. Арт-центр «Пушкинская-10», как гласит его официальный сайт, «сохраняет верность ценностям нонконформизма, идеям свободы и демократии. Ведь и сегодня инакомыслие — единственный способ для личности противостоять давлению массовой культуры»⁵⁰. При этом на сайте подчеркивается, что Пушкинская-10 «единственный сквот в мире, ставший не только домом для многих творческих инициатив, но и динамично развивающимся Арт-Центром»⁵¹.

«Городская разведка»: новые формы идентичности современной молодежи

Понятие «городская разведка» («urban exploration», сокращенно: «UE», «urbex») сегодня широко распространено. В английском языке несколько десятилетий назад оно возникло по аналогии со словом «геологоразведка» («geologic exploration», «exploration»), однако «городские разведчики» или «исследователи» не имеют ничего общего с деятельностью профессиональных геологов. У них есть свои «экспедиции», но они проходят в больших городах, часто в непосредственной близости

от обычного проживания участников этого движения. «Городские разведчики» «открывают» все то, что давно перестало привлекать внимание обычных горожан. Их интересуют заброшенные городские пространства («заброшки») — территории и объекты военного, промышленного, научного, социального назначения, которых в современной России, как и по всему миру, оказалось на удивление много. Участники «городской разведки» проникают в запретный мир подземных тоннелей и старых крыш, заброшенных заводов и бомбоубежищ. Сегодня освоение такого рода «отчужденных» городских зон определяет формирование новых субкультурных неформальных практик, а вместе с тем — новых форм молодежной идентичности, коммуникации и самопрезентации. «Мне нравится разгадывать головоломки, связанные с обходом охраны и разного рода замков. Это как некая игра в “шпиона”, чем выше уровень опасности попасться, тем интереснее»⁵², — отмечает наш респондент.

Весьма любопытным примером предыстории «городской разведки» были «проникновения» в знаменитые катакомбы Парижа. Эти подземные тоннели очень древние, часть из них — античные и средневековые каменоломни, представляющие собой целый подземный город-лабиринт, состоящий из нескольких уровней, при этом они располагаются ниже уровней метро и канализации. В конце XVIII в. в старых карьерах возник оссуарий, вместивший многочисленные костные и черепные человеческие останки, перенесенные со старейших кладбищ Парижа. Сейчас туда водят экскурсии сотрудники Музея катакомб⁵³. Однако сам этот Музей, то есть официально разрешенная для посещения территория некрополя под Парижем, занимает всего 2,5 км, тогда как общая протяженность подземных туннелей и лабиринтов около 300 км. Их «освоение» любителями приключений, невзирая на опасности и введенные еще в 1955 г. штрафы за несанкционированное посещение катакомб, началось в послевоенный период, но особую популярность приобрело в 1980-90-е гг. В этот время «городская разведка» складывается как международное неформальное движение, участники которого отличают себя от представителей возникших тогда же «индустриальных субкульту-

⁴⁹ Там же. С. 141.

⁵⁰ Официальный сайт Арт-Центра Пушкинская-10 (<http://www.p-10.ru/>).

⁵¹ Там же.

⁵² Интервью: мужчина, 25 лет.

⁵³ Официальный сайт Музея катакомб в Париже (<http://www.catacombes.paris.fr/fr/home>).

тур» («industrial subculture»), к которым относятся направления «пост-панка»⁵⁴.

Особенности современных молодежных неформальных практик позволяют судить о появляющихся новых формах идентичности и репрезентации. «Юношество воплощает в себе новую историческую реальность, творит собственную субкультуру, которая, хотя и не вызывает немедленных ощутимых изменений в магистральном пути культуры, вместе с тем влияет на многообразные срезы культуры, моду, стиль жизни, поведение и в целом на стиль культурной эпохи»⁵⁵. Создавая собственные сообщества представители «городской разведки» формируют особые этические нормы, правила поведения и отношения к «объектам» своего посещения, что способствует осознанию себя частью «сообщества». Мы «не рисуем на стенах, не ворует, не взламываем, не мусорим, даже не курим», — говорится на одном из специализированных сайтов⁵⁶. «Самое главное, — рассказывает респондент, — “не палить залазы”, то есть не раскрывать способ, которым ты проник на объект. А ещё лучше — вообще никого туда не приводить. Не ломать ничего на объекте, по возможности не палиться охране, даже если от неё можно легко убежать»⁵⁷.

«Городские разведчики» «ценят объекты, которые оказались нетронутыми с момента, когда были брошены». Они «подобны сторонникам экологического туризма — минимизируют последствия своего посещения, стремясь оставить территорию в первозданном виде. Поэтому мародеры и вандалы рассматриваются как их главные враги: они не только грабят и разрушают “заброшки”, дискредитируют саму идею освоения этих объектов»⁵⁸. Благодаря распространению интернет-сообществ

происходит «узнавание» различных представителей движения «городской разведки» и, вместе с тем, их поляризация. Сегодня существует большое количество относительно автономных, хотя и часто пересекающихся групп, которые заняты «городскими исследованиями», то есть «новым городским» или «индустриальным туризмом».

Освоение городских подземных коммуникаций, таких как подземные туннели, дренажные системы, канализационные коллекторы, старые шахты, бомбоубежища, пустующие станции и даже целые ветки метрополитена в англоязычном мире называется «городской спелеологией» («urban spelunking»). Во Франции представителей этой субкультуры называют «любителями катакомб» или «катафилами» (франц. неологизм «cataphiles»), а в России «диггерами» (англ. «digger» — «копатель»). Зачастую все представители «городской разведки» — это относительно небольшие автономные группы, которые есть во многих странах и известны благодаря своим «отчетам» — чаще всего это фотоматериалы с комментариями, выкладываемые в сети Интернет. Иногда диггеров сравнивают со спелестологами-любителями, изучающими каменоломни и катакомбы. Однако речь идет о совершенно определенном, уже сложившемся и самостоятельном явлении, возникшем в больших индустриальных городах современного мира.

В одной из публикаций английского социального антрополога Б. Гарретта, изучающего феномен «городской разведки» и имеющего богатый полевой опыт, описано его участие в походе по парижским катакомбам. Он отмечает, что это была его первая международная полевая экспедиция такого рода, когда он первый раз спал под землей и первый раз ходил по костям мертвецов⁵⁹. Гарретт уточняет, что речь идет не о туристических катакомбах, которые разрешено посещать. Он пишет: «это “другие” катакомбы, пещерные карьеры, населенные *cataphiles*, *cataflics* и художниками подземных ландшафтов»⁶⁰. При этом «катафилов» Гарретт определяет как «странную категорию городского разведчика (urban explorer), который проводит большую часть своего времени незаконно странствуя по древней сети каменоломен — мы называем их “катакомбы”, или, в качестве условного

⁵⁴ Подробнее об этом направлении см. напр.: Paytasheva K. Industrial subculture — the mutated child of punk. (http://www.fashion-lifestyle.bg/subculture_en_broi1).

⁵⁵ Гуревич П.С. Субкультура // Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2-х тт. / Под ред. С.Я. Левит. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 237.

⁵⁶ Один из сайтов представителей «городской разведки»: <http://urbex.ru/us.htm>

⁵⁷ Интервью: мужчина, 23 года.

⁵⁸ Абрамов Р. «Забывшие в прошлом»: освоение заброшенных пространств и феномен нового городского туризма // Микроурбанизм. Город в деталях: Сб. статей / Под отв. ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 247–248.

⁵⁹ Garrett B.L. Cracking the Paris Carrières: Corporal Terror and Illicit Encounter // An International E-Journal for Critical Geographies. 2011. № 10 (2). P. 357–371. P. 270–277. P. 271.

⁶⁰ Ibid.

обозначения, “ktas”. Технически, эти карьеры называют “carrigères de Paris” и есть специальный отдел французской полиции, соответственно названный “cataflics”, главная задача которого состоит в том, чтобы помешать людям идти туда»⁶¹.

В России история «городской разведки» имела свою ярко выраженную специфику. В советский период никто не афишировал свои «вылазки», тогда как сегодня каждая «экспедиция» на «объект» предполагает составление «фотоотчета» для интернет-сообществ. В крайне немногочисленных публикациях по этой теме отмечается, в частности, что «помимо стремления к контролируемому риску и жажды острых ощущений общее у этих движений то, что в их деятельность вмонтировано активное использование разнообразных электронных устройств: GPS-навигаторов и раций, профессиональных фотокамер, светотехники и т.п.»⁶².

Введение в оборот слова «диггер» приписывает себе москвич В. Михайлов, известный также под псевдонимом Вадмих. Он заявляет, что является основоположником отечественного диггерского движения, которое, по его словам, возникло в 1977 г. когда он впервые совершил «экспедицию». Сегодня, однако, сложно сказать со всей определенностью, как все на самом деле начиналось. В еще большей степени, чем сквотеры, диггеры и им подобные в советское время рисковали своей свободой. Проникновение на закрытые военные и индустриальные объекты или засекреченные территории, большинство из которых принадлежало министерству обороны, было уголовно наказуемо. Если такие проникновения и предпринимались, то крайне осторожно. «Да в советские времена это было уголовно наказуемо и даже очень, так что не думаю, что этим много занимались»⁶³, — говорит один из наших респондентов. Михайлов вместе с тем настаивает: «Мы были у истоков этого направления. Мы как основатели стали легендой. И нас это вполне устраивает»⁶⁴. Более

того, он утверждает, что разработанная им и впоследствии «доведенная до совершенства» «философия диггерства» была принята «в других странах», что способствовало присоединению людей к этому движению во многих городах. «По-настоящему движение следует называть “Диггеры Планеты Андеграунд”», — заявляет «главный» диггер Москвы.

В современном интернет-пространстве многие считают Михайлова одиозной фигурой, играющей на публику и выдумывающей небылицы. Его рассказы еще в 1990-х гг. были подхвачены и растиражированы СМИ. В них говорилось о бесконечных лабиринтах и катакомбах московских подземелий, многие из которых были прорыты еще в XV в., «тайной библиотеке» Ивана Грозного, бесконечных туннелях и станциях-призраках метрополитена, заброшенных бункерах и живущих под землей животных-мутантах. Однако независимо от того, где стирается грань между реальностью и фантазией диггерское движение существует, и эти люди «не просто изучают подземелье». Они «попутно создают необычные легенды, собственную философию, свой мир, в котором действуют иные законы»⁶⁵. В одном из интервью Михайлов говорит: «мы — действительно кроты мира, охраняющие его, связующее звено между человечеством и подземельем»⁶⁶.

На формирование отечественной субкультуры сталкеров, как часто называют у нас «городских разведчиков», повлиял фильм выдающегося отечественного режиссера А. Тарковского «Сталкер» (1979). Именно они, еще в советский период, скрытно, по одиночке и небольшими группами, осваивали заброшенные объекты — следы начинавшейся деиндустриализации. Предыстория сталкерства — это увлечение антиутопиями братьев Стругацких («Пикник на обочине», 1972), а затем Чернобыльская катастрофа 1986 г., после которой фантастический сюжет «воплотился в реальные апокалиптические пейзажи — сталкерами стали называть небольшую группу ученых и исследователей, рискнувших пробраться в саркофаг четвертого энергоблока ЧАЭС для выяснения причин

⁶¹ Ibid.

⁶² Абрамов Р. «Забытые в прошлом»: освоение заброшенных пространств и феномен нового городского туризма // Микроурбанизм. Город в деталях: Сб. статей / Под отв. ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 236.

⁶³ Интервью: мужчина, 59 лет.

⁶⁴ МЫ — “ДИГЕР-СПАС”. “Мэр Москвы подземной” отвечает на вопросы корреспондентов «Завтра» // Завтра. Выпуск № 35 (562). 1 сентября 2004. 4-я полоса. (<http://www.zavtra.ru/content/view/2004-09-0141/>).

⁶⁵ Малахова Н. Байки и были московских диггеров // Новая газета. № 58. 11 августа 2005. (<http://2005.novayagazeta.ru/nomer/2005/58n/n58n-s30.shtml>).

⁶⁶ МЫ — “ДИГЕР-СПАС”. “Мэр Москвы подземной” отвечает на вопросы корреспондентов «Завтра» // Завтра. Выпуск № 35 (562). 1 сентября 2004. 4-я полоса. (<http://www.zavtra.ru/content/view/2004-09-0141/>).

аварии и ликвидации ее последствий. Позже так называли уже всех исследователей Чернобыльской Зоны Отчуждения»⁶⁷.

В перестроечный период новая идентичность — поиск себя в мире разрушения и смерти, а также урбанистическая эстетика заброшенных пространств, входят в моду. «Стакерами» стали называть себя те, кто проникает в любые запретные «Зоны», от Чернобыля до секретных бомбоубежищ («бомбарей»). При этом они выступают и как «первопроходцы», и как «проводники», «открывая» другим своего рода «антимир». Сталкеры 1980-90-х гг. — это печальные одинокие романтики, но идентичность сталкеров современных несколько иная. В большей степени их формирование происходило под влиянием тематических интернет-сообществ и компьютерной игры «S.T.A.L.K.E.R.: Тень Чернобыля» (2007). Именно они, в конечном счете, осознали себя не просто «бродягами», а представителями одной из международных субкультур. Так обстоит дело и с некоторыми другими современными молодежными неформальными сообществами, например с риферами (от англ. «roof» — крыша), долгое время считавшими себя просто одинокими романтиками городских крыш («крыша это место свободы, где мир кажется красочнее, веселее и интереснее»⁶⁸). Сегодня движение «городской разведки» определяет новые, специфические формы идентичности среди молодежи больших городов.

Контркультура и современные молодежные неформальные субкультуры: от утопического хилизма к индустриальной эсхатологии и промышленной эстетике

Идеалы молодежной контркультуры и ее социальный утопизм изначально были проникнуты эсхатологическими мотивами. Ставшая популярной идея о том, что западная цивилизация движется к своему неминуемому «закату», к «концу истории», была подхвачена новым религиозным движением «Новая Эра» («New Age»). Само это название оказалось глю-

боко символичным. Утверждалось, что человечество вступает в такую Эпоху, когда «конфликтность Рыб» — противоречие между духом и материей, будет преодолено. М. Фергюсон в работе «Заговор под знаком Водолея: Индивидуальная и социальная трансформация в 1980-е годы» отмечала, что «дух времени» выражается в распространяющемся в нашей популярной культуре представлении о том, что «после темной, жестокой эры, прошедшей под созвездием Рыб, мы вступаем в тысячелетие любви и света», в «эпоху Водолея», знаменующую время «подлинного освобождения разума»⁶⁹.

«Новая Эра» воспринималась как начало эпохи абсолютной гармонии, однако присущий хиппи гедонистическо-мистический хилизм, их радужные и лучезарные представления о будущем, был выхолощен панк-движением. В современном мире некоторые неформальные молодежные субкультуры эпохи «пост-панка» самым непосредственным образом и даже буквально переживают «конец» человеческой цивилизации. Их представления о будущем — это апокалиптические сюжеты современных антиутопий и заброшенные промышленные зоны больших городов. Это воплощается в соответствующих мировоззренческих установках, поведении, музыке, эстетике, стиле одежды и образе жизни.

Панк-культура, для которой эпатаж стал важнейшей составляющей, заявила о себе в 1970-е гг. Панки презрительно относились к утопиям хиппи, поскольку начинали понимать, что «между контркультурными идеями, вдохновлявшими бунт 1960-х, и идеологическими потребностями капиталистической системы просто-напросто никогда не возникало трений»⁷⁰. Признавая, что «имел место культурный конфликт между представителями контркультуры и защитниками старого американского протестантского истеблишмента», современные исследователи Дж. Хиз и Э. Поттер убеждены, что «противоречий между ценностями контркультуры и функциональными потребностями капиталистической экономической системы не возникало никогда»⁷¹. Если основания полагать, что это «понимание» возникло именно в панк-среде. О главных выразителях панка, группе «Sex

⁶⁷ Боева Г. Трансформация феномена сталкерства в постсоветском культурном пространстве // Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации: Сб. статей. Вып. 1 / Под ред. В. Шайдурова, А. Киклевича. СПб.-Ольштын: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2009. С. 151.

⁶⁸ Из заметок на форуме «городских разведчиков» (<http://www.caves.ru/>).

⁶⁹ Ferguson M. The Aquarian Conspiracy: Personal and Social Transformation in the 1980's. London-Henley: Routledge & Kegan Paul, 1981. P. 18-19.

⁷⁰ Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу. Пер. с англ. М.: Добрая книга, 2007. С. 15.

⁷¹ Там же.

Pistols», писали: их музыка была «вспышкой ненависти и отчаяния. Посмотри в лицо жизни, уродливой, бессмысленной и полной разочарования. Кричи вместе с нами... “Будущего нет!”»⁷².

В дальнейшем, на волне «пост-панка» в конце 1970-х — начале 80-х гг., активно заявили о себе многочисленные молодежные неформальные субкультуры, для которых одним из самых характерных признаков оказались мотивы смерти, сегодня это образы «живых мертвецов» и киборгов. К настоящему моменту сменилось уже несколько поколений таких молодежных неформальных образований как готы и представители музыкального направления «индастриал» («industrial music»). Появились такие объединения как «киберпанк», «риветхед» («rivethead»), «киберготы», активно использующие антиутопические сюжеты о «темном» будущем человечества, начавшегося с открытия высоких технологий, эстетику промышленного разрушения и индустриальную символику. Заброшенные городские пространства были переосмыслены ими как «границы» человеческой цивилизации и олицетворение ее неминуемой и уже происходящей «гибели». Кладбища, ставшие объектами постоянного посещения готов «первой волны», были дополнены «постпаломничеством». Теперь уже забытые и покинутые кладбища, разрушенные и опустев-

шие храмы, и другие, бывшие некогда культовыми места, оказались в центре их внимания.

Посещение заброшенных заводов и фабрик, кладбищ ржавеющих автомобилей и самолетов, пустующих больниц, школ и пионерских лагерей, закрытых станций метрополитена и затерянных бомбоубежищ, расселенных домов и крыш для некоторых представителей современных молодежных субкультур стало своего рода ритуалом, а для кого-то еще и образом жизни. Пребывание рядом с руинами, следами уходящий в небытие индустриальной цивилизации, делает участника «индустриальных» и «пост-готических» направлений современным «сталкером», одиноко озирающемся в запретной черной зоне, ставшей символом «погибающего» мира. Несмотря на «идейную вражду» между ними и «городскими разведчиками» в отношении посещаемых «объектов», все они формируют свою идентичность в мире разрушения индустриальных городов и создают свою урбанистическую эстетику заброшенных пространств. Таким образом, мировоззренческие установки некоторых представителей современной неформальной молодежи проникнуты индустриально-эсхатологической тематикой, однако в отличие от своих предшественников 1960-х гг. они не верят в окончание «апокалиптической эры». Для них «постиндустриальное» будущее уже наступило, и расценивается ими как «апокалипсис сегодня».

Список литературы:

1. Абрамов Р. «Забытые в прошлом»: освоение заброшенных пространств и феномен нового городского туризма // Микроурбанизм. Город в деталях: Сб. статей / Под отв. ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 231–251.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Пер. с англ. М.: Academia, 1999.
3. Боева Г. Трансформация феномена сталкерства в постсоветском пространстве // Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации: Сб. статей. Вып. 1 / Под ред. В. Шайдурова, А. Киклевича. СПб.-Ольштын: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2009. С. 149–156.
4. Голова Т. Сквотеры в Петербурге: практика захвата и образ жизни // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ) / Отв ред. В.В. Костюшев. СПб.: Норма, 1999. С. 128–153.
5. Громов Д.В. Субкультуры большого города // Молодежные субкультуры Москвы / Сост. Д.В. Громов, отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 5–25.
6. Гуревич П.С. Субкультура // Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2-х тт. / Под ред. С.Я. Левит. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 236–237.
7. Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993.
8. Здравомыслова Е.А. Социология общественных движений — становление нового направления // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: Изд-во ИС РАН, 1998.
9. Мяло К. Под знаменем бунта. (Очерки по истории и психологии молодежного протеста 1950–1970-х годов). М.: Молодая гвардия, 1985.
10. Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Изд-во ИС РАН, 2000.
11. О’Хара К. Философия панка: Больше чем шум / Пер. с англ. М.: Нота-Р, 2008.
12. Сергеев В.К. Молодежная субкультура в условиях мегаполиса. М.: ИНФРА-М, 2003.

⁷² Trecia H. Break All Rules!: Punk Rock and the Making of a Style. (Цит. по: О’Хара К. Философия панка: Больше чем шум / Пер. с англ. М.: Нота-Р, 2008. С. 52).

13. Соколов М. Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный подход // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ) / Отв ред. В.В. Костюшев. СПб.: Норма, 1999. С. 9–23.
14. Султанова М.А. Контркультура — тип ценностного радикализма (Вудстоку 40 лет — каковы итоги?) // Философия и культура. 2009. № 8. С. 9–18.
15. Султанова М.А. Философия культуры Теодора Роззак: (Очерк философской публицистики). М.: ИФ РАН, 2005.
16. Тоффлер Э. Шок будущего / Пер. с англ. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002.
17. Шевелев Е. Город (без) человека: практики освоения пустых и заброшенных пространств // Микроурбанизм. Город в деталях: Сб. статей / Под отв. ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 43–63.
18. Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу / Пер. с англ. М.: Добрая книга, 2007.
19. Ferguson M. The Aquarian Conspiracy: Personal and Social Transformation in the 1980's. London-Henley: Routledge & Kegan Paul, 1981.
20. Garrett B.L. Cracking the Paris Carrières: Corporal Terror and Illicit Encounter // An International E-Journal for Critical Geographies. 2011. № 10 (2). P. 270–277.
21. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. New York: A Division of Random House, 1961.
22. Reich Ch. The Greening of America. New York: Random House, 1970.
23. Roszak Th. The Making of a Counter Culture: Reflections on the Technocratic Society and Its Youthful Opposition. New York: Doubleday & Company, Inc., Garden City, 1969. P. XII.
24. Roszak Th. Where the Wasteland Ends: Politics and Transcendence in Postindustrial Society. New York: Doubleday & Company, Inc., Garden City, 1972.
25. Stevens J. Storming Heaven: LSD and the American Dream. New York: Grove Press, 1998.

References (transliteration):

1. Abramov R. «Zabytye v proshlom»: osvoenie zabroshennykh prostranstv i fenomen novogo gorodskogo turizma // Mikrourbanizm. Gorod v detalyakh: Sb. statei / Pod otv. red. O. Brednikovoi, O. Zaporozhets. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. S. 231–251.
2. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya / Per. s angl. M.: Academia, 1999.
3. Boeva G. Transformatsiya fenomena stalkerstva v postsovetskom kul'turnom prostranstve // Stereotipy i natsional'nye sistemy tsennosti v mezhkul'turnoi kommunikatsii: Sb. statei. Vyp. 1 / Pod red. V. Shaidurova, A. Kiklevicha. SPb.-Ol'shtyn: Izd-vo Nevskogo in-ta yazyka i kul'tury, 2009. S. 149–156.
4. Golova T. Skvotery v Peterburge: praktika zakhvata i obraz zhizni // Molodezhnye dvizheniya i subkul'tury Sankt-Peterburga (sotsiologicheskii i antropologicheskii analiz) / Otv red. V.V. Kostyushev. SPb.: Norma, 1999. S. 128–153.
5. Gromov D.V. Subkul'tury bol'shogo goroda // Molodezhnye subkul'tury Moskvy / Sost. D.V. Gromov, otv. red. M.Yu. Martynova. M.: IEA RAN, 2009. S. 5–25.
6. Gurevich P.S. Subkul'tura // Kul'turologiya. XX vek. Entsiklopediya: v 2-h tt. / Pod red. S.Ya. Levit. T. 2. SPb.: Universitetskaya kniga, 1998. S. 236–237.
7. Zdravomyslova E.A. Paradigmy zapadnoi sotsiologii obshchestvennykh dvizhenii. SPb.: Nauka, 1993.
8. Zdravomyslova E.A. Sotsiologiya obshchestvennykh dvizhenii — stanovlenie novogo napravleniya // Sotsiologiya v Rossii / Pod red. V.A. Yadova. M.: Izd-vo IS RAN, 1998.
9. Myalo K. Pod znamenem bunta. (Ocherki po istorii i psikhologii molodezhnogo protesta 1950–1970-kh godov). M.: Molodaya gvardiya, 1985.
10. Omel'chenko E.L. Molodezhnye kul'tury i subkul'tury. M.: Izd-vo IS RAN, 2000.
11. O'Khara K. Filosofiya panky: Bol'she chem shum / Per. s angl. M.: Nota-R, 2008.
12. Sergeev V.K. Molodezhnaya subkul'tura v usloviyakh megapolisa. M.: INFRA-M, 2003.
13. Sokolov M. Subkul'turnoe izmerenie sotsial'nykh dvizhenii: kognitivnyi podkhod // Molodezhnye dvizheniya i subkul'tury Sankt-Peterburga (sotsiologicheskii i antropologicheskii analiz) / Otv red. V.V. Kostyushev. SPb.: Norma, 1999. S. 9–23.
14. Sultanova M.A. Kontrkul'tura — tip tsennostnogo radikalizma (Vudstoku 40 let — kakovy itogi?) // Filosofiya i kul'tura. 2009. № 8. S. 9–18.
15. Sultanova M.A. Filosofiya kul'tury Teodora Rozzaka: (Ocherk filosofskoi publitsistiki). M.: IF RAN, 2005.
16. Toffler E. Shok budushchego / Per. s angl. M.: ООО «Изд-во АСТ», 2002.
17. Shevelev E. Gorod (bez) cheloveka: praktiki osvoeniya pustykh i zabroshennykh prostranstv // Mikrourbanizm. Gorod v detalyakh: Sb. statei / Pod otv. red. O. Brednikovoi, O. Zaporozhets. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. S. 43–63.
18. Khiz Dzh., Potter E. Bunt na prodazhu / Per. s angl. M.: Dobraya kniga, 2007.
19. Ferguson M. The Aquarian Conspiracy: Personal and Social Transformation in the 1980's. London-Henley: Routledge & Kegan Paul, 1981.
20. Garrett B.L. Cracking the Paris Carrières: Corporal Terror and Illicit Encounter // An International E-Journal for Critical Geographies. 2011. № 10 (2). P. 270–277.
21. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. New York: A Division of Random House, 1961.
22. Reich Ch. The Greening of America. New York: Random House, 1970.
23. Roszak Th. The Making of a Counter Culture: Reflections on the Technocratic Society and Its Youthful Opposition. New York: Doubleday & Company, Inc., Garden City, 1969. P. XII.
24. Roszak Th. Where the Wasteland Ends: Politics and Transcendence in Postindustrial Society. New York: Doubleday & Company, Inc., Garden City, 1972.
25. Stevens J. Storming Heaven: LSD and the American Dream. New York: Grove Press, 1998.